

## **ПЕРВЫЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР РОССИИ – ЗАЛОЖНИК И ЖЕРТВА ПРОТИВОСТОЯНИЯ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА**

*Работа представлена кафедрой истории  
Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.  
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. С. Волков*

*Статья посвящена одному из самых драматических периодов русской истории 1905–1906 гг. Этот период неразрывно связан с именем С. Ю. Витте – первым премьер-министром Российской империи. В статье раскрывается на основе обобщения материалов периодической печати, документов и воспоминаний очевидцев вопрос о воздействии либеральных и консервативных тенденций российского общества на деятельность С. Ю. Витте в период формирования правительства. На примере конкретных шагов С. Ю. Витте показаны тактика и стратегия государственной власти при решении насущных проблем времени.*

**Ключевые слова:** *С. Ю. Витте, премьер-министр Российской империи.*

*К. Gavrilov*

## **THE FIRST PRIME MINISTER OF RUSSIA – THE HOSTAGE AND VICTIM OF THE OPPOSITION BETWEEN THE AUTOCRATIC POWER AND SOCIETY**

*The paper is devoted to one of the most dramatic periods in the Russian history – 1905–1906. This time is inseparably connected with the name of S. Yu. Witte – the first Prime Minister of the Russian Empire. Basing on the periodical press, documents and reminiscences of the witnesses, the author of the paper views the problem of the Russian liberal and conservative tendencies' influence on the activity of S. Yu. Witte during the government forming. The author shows the tactics and strategy of the state power in urgent problem solving through the example of S. Yu. Witte's certain steps.*

**Key words:** *S. Yu. Witte, Prime Minister of the Russian Empire.*

События и преобразования в стране в 1905 г. изменили деятельность государственной власти и ее отношение к общественному мнению.

Революционно и социалистически настроенные элементы расценивали Манифест 17 октября с точки зрения заявленных им

гражданских свобод. В них они усматривали мощное средство как для распространения своих идей, так и для усиления своих революционных действий, но сам манифест их не устраивал. Многие заявляли о совершенной недостаточности последовавшего государственного акта.

Радикал-либералы увидели в манифесте приближение момента, когда они превратятся в правящий класс и станут у власти. Они выражали радость сдержанно, отмечая, что манифест можно приветствовать лишь как первый шаг на пути превращения самодержавной России в строго конституционную монархию.

Таким образом, лишь умеренно либеральная часть общественности выражала радость, видя в манифесте осуществление своих пожеланий в полной мере.

Поэтому правительству и лично С. Ю. Витте приходилось ценой уступок привлекать на свою сторону новых союзников.

С первых дней премьерства Витте, понимая всю важность общественного мнения, стал искать опору в обществе. Он оговорил с царем вопросы формирования правительства, отклонив такие одиозные фигуры, как К. П. Победоносцев и А. Г. Булыгин. Было решено, что на посты министров премьер может привлекать и общественных деятелей, если они смогут помочь своею репутацией успокоить общественные волнения.

Осуществление этой идеи Витте начал с прессы, учитывая ее влияние на общественное мнение. Уже 19 октября Витте пригласил к себе представителей большинства петербургских газет, надеясь найти в кругах либеральной интеллигенции союзников.

«Итак, ожидать помощи от помутившейся прессы я не мог; напротив того, газеты или жаждали тех или иных от меня благ», – рассудил Витте [4, с. 60]. Он явно не оценил тех последствий, которые имело появление Манифеста 17 октября. Состояние эйфории, охватившее либералов, выразилось в ряде демонстративных шагов в отношении властей – «принципиальном слушании правительства».

Но существует и другое мнение об этой встрече, Витте попросил газетчиков помочь ему успокоить общественность. «От вас, главное от вас, это успокоение зависит... Я нуждаюсь в поддержке... Помогите мне. Если вы успокоите общественное мнение, если явится истинное народное представительство, все облегчится... Тогда правительство

будет играть роль такую, как в культурных странах» [11, с. 100–101].

Первым заговорил А. С. Суворин – для успокоения нужна прежде всего полная амнистия. Это ему было твердо обещано. Редактор «Новостей» О. К. Нотович заявил: «Мы верим вам, но народ не верит». Газетчики потребовали свободы печатного слова. «Она уже объявлена, – сказал С. Ю. Витте, – но пока нет новых законов о печати, необходимо соблюдать старые». Некоторые требовали вывести войска из Петербурга, а для охраны порядка учредить народную милицию. Издатель «Нашей жизни» профессор-экономист Л. В. Ходский вздумал грозить: «Мы не будем выпускать газет, пока войска не удалятся». С. Ю. Витте: «Увести войска? Нет, лучше остаться без газет и без электричества. Если войска уйдут, другие жители будут вправе за эту меру винить правительство. Начнутся грабежи, разбои и прочие безобразия!» [11, с. 103–104].

Договорились, что пока правительство не организовалось, беседу отложат. Издатель «Петербургской газеты» С. Н. Худяков пожелал: «Пусть все свободы, и особенно свобода печати, сразу получают осуществление». Это С. Ю. Витте обещал: «Завтра мы практически будем это обсуждать... Пока я скажу: не нарушайте закон о цензуре. Я сегодня поговорю с начальником главного управления по делам о печати об устранении недоразумений...» [11, с. 104–105].

Общественный деятель В. И. Гурко писал в воспоминаниях об этой встрече: «Речь Витте сводилась ...к тому, что он-де очень дорожит общественным мнением и признает весьма полезным для правительства услышать вполне свободно высказанную и точно сформулированную общественную программу государственной политики. Конечно, он сам не может вперед высказаться, как он относится к этой программе и будет ли он ее целиком поддерживать, но это вопрос дальнейшего, ныне же важно, по его мнению, лишь одно, а именно не препятствовать общественности гласно формулировать свои мысли и чаяния» [7, с. 367].

С. Ю. Витте выполнил свои обещания. Первое официальное заседание Совета мини-

стров Российской империи было посвящено вопросу о немедленном принятии мер к осуществлению свободы печатного слова.

Продекларированная в Манифесте свобода слова связывала руки властям, и меры против некоторых газет были приняты только тогда, когда появилась угроза паники на денежном рынке вследствие публикаций.

Несмотря на усилия премьера, пресса не ослабила атак на его кабинет. Особенно старалась черносотенная печать. Так, 19 февраля 1906 г. в типографии петербургского градоначальника была подписана к печати прокламация газеты «Русское знамя». В ней говорилось: «Сейчас честные русские люди, любящие Россию, хлопочут у государя, чтоб он скорей согнал с президентского места главного врага русского народа и главного помощника жидовского с его жидовкой женой» [6, с. 338]. Поливал грязью премьер-министра и А. И. Гучков со страниц своего «Голоса Москвы». Сотруднику аппарата правительства А. А. Спасскому глава партии октябристов заявил: «Мы не перестаем изобличать временщика во лжи и зверствах, бессудных расправах и прежде всего в умышленном оттягивании срока созыва Государственной думы... Вы с вашим Витте поливаете пожарище керосином. Витте всем пускает пыль в глаза своей конституционностью, а на деле показывает себя палачом... Впрочем он висит на волоске... Мавр сделал свое дело, мавр может уйти» [6, с. 339].

Не лучше показали себя издания кадетского толка. «Читая... ежедневно московский орган «Русские ведомости», – писал граф И. И. Толстой, – меня прямо выводит из себя последовательная система подтасовок, партийное освещение всех фактов, нетерпимость ко всем инакомыслящим и вместе с тем возмутительная докторальность тона при разборе любого вопроса... Просто противно и досадно за русскую профессуру, лейборганом коей всегда являлась эта газета». Невысокого мнения он был и о суворинском «Новом времени» – солидной газете, которую постоянно видели на письменном столе русского монарха: «... «Новое время» столь же (хотя не более, увы!) возмутительна, хотя

в другом отношении: с одной стороны, влияние вправо и влево, а с другой – травля национальностей нерусских, населяющих Россию: излюбленными объектами лганья и подлых нападок являются, конечно, «жиды», финляндцы и поляки... Как «Русские ведомости» не стесняются правдой, когда нужно доказать превосходство кадетских предвзятых теорий, так «Новое время» лжет на каждом шагу, когда нужно окатить помоями инородцев...» Российские периодические издания граф И. И. Толстой сравнивал с помойными ямами «...в которых только и делают, что подливают нечисти» [16, с. 50–51].

Сам император со злорадством заметил в беседе с великим князем Николаем Михайловичем: «Плохая у Витте печать... Даже «Новое время» и то поносит и отказывает ему в доверии» [10, с. 339].

После неудачной попытки опереться на прессу Витте, решил искать союзников среди общественных деятелей» [5, с. 253].

В переговорах участвовали: со стороны правительства – С. Ю. Витте и князь А. Д. Оболенский, член Государственного совета и обер-прокурор Святейшего Синода. Сторону общественности представляли: Ф. А. Головин – председатель Московской губернской земской управы, председатель Бюро союзов земских и городских деятелей, член ЦК партии кадетов; А. И. Гучков – лидер партии «Союз 17 октября»; Ф. Ф. Кокошин – профессор Московского университета, член партии кадетов; князь Г. Е. Львов – председатель Епифанской уездной и Тульской губернских управ, член партии кадетов; А. С. Посников (Постников) – декан Политехнического института Санкт-Петербурга, земский деятель; М. А. Стахович – участник земского движения и один из создателей «Союза 17 октября»; Н. С. Таганцев – юрист, профессор Александровского лицея и Петербургского университета; князь Е. Н. Трубецкой – профессор Киевского университета, был близок к кадетам; князь С. Д. Урусов – земский деятель, был близок к кадетской партии, затем член Партии демократических реформ; Д. Н. Шипов – один из лидеров «Союза 17 октября».

Витте остановился на умеренных деятелях, близких по позициям, в Д. Н. Шипове и А. И. Гучкове – будущих лидерах партии октябристов. Первому он хотел предложить пост государственного контролера, второму – министра торговли и промышленности, князю Трубецкому – пост министра народного просвещения. Шипов был приглашен в качестве общественного деятеля, имевшего авторитет и поддержку в определенных общественных кругах. Это говорит о понимании С. Ю. Витте важности учета общественного мнения в кризисные моменты истории.

Шипов не возражал против того, чтобы занять предложенный ему пост, но считал, что для укрепления доверия необходимо привлечь в состав кабинета не только правых деятелей, но и «представителей различных общественных кругов» более левого направления.

«Общество знает ваше прошлое, – и общество вам не верит. – заявил лидер кадетов Милюков. Оно не знает и того, на что вы имеете полномочия и на что не имеете. Но оно, естественно, опасается, что известные обществу деятели будут использованы только для прикрытия, как ширмы, за которыми будут делаться дела, которые общество одобрить не может.

«Но как добиться доверия общества? – возражал граф Витте, – ведь доверие это может быть получено только делами, а для того, чтобы дела эти были, уже нужно иметь общественное доверие и общественное действие?»

«Конечно, положение психологически чрезвычайно трудно, – отвечал Милюков, – и очень похоже на заколдованный круг. Но вот что казалось бы мне возможным исходом. Теперь никакой общественный деятель к вам не пойдет. Но вы можете начать реформы немедленно, не дожидаясь вступления их в ваше министерство: образуйте то, что за границей называется в подобных случаях переходным министерством, cabinet d'affaires, деловым министерством» [15, с. 325].

В ходе переговоров возникли непреодолимые разногласия по поводу кандидата на пост министра внутренних дел. Витте пред-

ложил кандидатуру П. Н. Дурново, хотя ему были известны протесты либералов. Витте не ошибся в выборе, хотя потом признавал, что это ухудшило его и без того сложное положение как премьера.

Впоследствии один из лидеров кадетов В. А. Маклаков высказывал сожаление по поводу того, что из-за близорукости его товарищей по партии был упущен уникальный шанс мирной эволюции режима: «Понимали ли делегация, что она сделала? Помню гордость, с которой Кокошкин осипшим от повторения голосом рассказывал о победе земцев над Витте...» [14, с. 439].

По мнению В. В. Леонтовича, Витте искренне искал соглашение с представителями общественности. Он придавал этому настолько большое значение, что разработку ясной и четкой правительственной программы он принес в жертву усилиям достигнуть соглашения с общественностью.

«Конечно, это была ошибка, – считает В. В. Леонтович. – Четко выработанная программа облегчила бы соглашение с оппозицией, так как определенность всегда обладает притягательной силой» [13, с. 486].

Витте не нашел общего языка ни с кадетом Милюковым, ни с октябристами Гучковым и Шиповым.

В итоге Витте создал как бы временное, рабочее правительство из малоизвестных деятелей – «деловой кабинет». «17 октября был объявлен перелом. В России впервые образовалось «правительство» в техническом смысле понятия – правительство с политической программой, не исчерпывающейся «преданностью», «верностью» и «повиновением», идейно-объединенное и солидарно-ответственное...» [2, с. 412].

В. И. Ленин в 1905 г. отмечал: «Витте потирает от удовольствия руки, видя “великие” успехи своей удивительно хитрой игры... А в то же время он приобретает вместе с ненавистью и капиталец, ибо он остается главой царского правительства, сохраняющего в своих руках всю власть и выжидающего лишь наиболее удобного момента для перехода в решительное наступление против революции» [12, с. 50].

«В сущности, я должен был в это время один управлять Россией, Россией поднявшейся, революционизировавшейся, не имея в своих руках никаких орудий управления сложным механизмом империи», – писал Витте в «Воспоминаниях» [4, с. 73]. Если к этому прибавить, что забастовка железных дорог, а потом почты и телеграфа мешали сообщениям, передаче распоряжений, то будет совершенно ясно, что в первые недели после 17 октября произошла полная дезорганизация власти. «Я со своей стороны знаю, что я был безвластный, а затем все время моего премьерства с властью, оскопленной вечной хитростью, если не сказать коварством, императора Николая II», – описывал свое состояние Витте [4, с. 73].

В ноябре взбунтовалась Москва. Николай почувствовал себя обманутым. Он дал людям конституцию, он перешагнул через себя. И в ответ все продолжается. Что же правительство Витте? В письме кайзеру от 10 (23) ноября Николай II жаловался: «Мне часто приходится силком заставлять Витте, когда ему нужно решиться на ту или иную меру» [9, с. 273].

Проблемой для Витте стало влияние генерала Д. Ф. Трепова на государя. Он занимал влиятельный пост дворцового коменданта Царского Села, где большей частью и находилась семья монарха. «Таким образом, Трепов во время моего министерства имел гораздо больше влияния на его величество, нежели я; во всяком случае, по каждому вопросу, с которым Трепов не соглашался, мне приходилось вести борьбу. В конце концов, он являлся как бы безответственным главою правительства, а я ответственным, но мало влиятельным премьером», – писал Витте [4, с. 73].

У Генеральши Богданович в дневнике: «Каждый день Витте все больше и больше теряет почву под ногами, никто ему не верит. Пресса всех оттенков его ругает» [1, с. 268].

Вследствие продуманных мер Витте смог постепенно овладеть ситуацией. Он выделил ряд первоочередных задач. Прежде всего – подавление революции.

Главная угроза исходила от рабочих советов. А. С. Суворин иронизировал: «...отче-

го, дескать, Хрусталева-Носаря не арестует графа Витте? Правительству графа Витте он противопоставил правительство Хрусталева-Носаря...» «Ни Носаря, ни его правительство, ни всех этих рабочих депутатов я не боялся и в грош их не ставил», – пишет Витте [4, с. 89]. 26 ноября 1905 г. правительство арестовало Носаря, а 3 декабря был арестован весь состав Петербургского совета.

Беспорядки пошли на спад, но 2 декабря 1905 г. в Москве произошло восстание 2-го гренадерского Ростовского полка. Выбранный революционный полковой комитет потребовал созыва учредительного собрания и т. п., был создан Совет солдатских депутатов из представителей ряда полков гарнизона. Это был пик революции, пришлось принимать экстренные меры для усмирения. Как писал В. В. Леонтович, это удалось Дурново сравнительно легко.

Витте писал: «Я ставлю себе в особую заслугу то, что за полгода моего премьерства во время самой революции в Петербурге было всего убито несколько десятков людей, и никто не казнен» [4, с. 62].

Витте, видимо, сознательно говорит только о Петербурге. В конце 1905 – начале 1906 г. правительством была издана целая серия секретных циркуляров о расстреле без суда и следствия участников революционного движения, об арестах забастовщиков, административного выселения участников крестьянских выступлений.

Решительные меры правительства достигли целей, беспорядки пошли на спад.

В дни спада революции супруга внушила царю мысль о злонамеренности Витте. Манифест, мол, ни к чему не привел, – недаром после него продолжалось восстания.

К императрице присоединяется великий князь Николай Николаевич, еще вчера и обвинявшийся с Витте, и славивший Манифест.

Витте отмечал, что в подавлении революции значительная роль принадлежала и черносотенцам. Сразу после объявления Манифеста 17 октября по России прокатилась волна контрреволюционных выступлений, сопровождаемых еврейскими погромами.

Царские власти не препятствовали и даже попустительствовали черносотенным организациям в подавлении забастовок для запугивания буржуа и интеллигенции.

Отношение Витте к черносотенцам всегда было почти презрительным и враждебным. Витте понимал, что погромная деятельность черносотенцев подрывала престиж царской России в глазах мирового общественного мнения. Она осложняла проведение политических реформ, единственного, по мнению Витте, средства спасения царизма от катастрофы.

Ультраправые платили тем же, их злобные нападки на Витте начались раньше осени 1905 г.

В конце января 1907 г. были совершены две попытки покушения на жизнь Витте. При расследовании дела Витте заявил, что личных врагов не имеет, а политическими врагами его были не анархисты, а «союз русского народа», т. е. крайне правые. Расследование затянулось. Враги пустили слухи, что случившееся подстроено чуть ли не самим Витте. Нити заговора, по мнению Витте, тянулись к Дубровину, который использовал агентов охранного отделения. Позже предположение полностью подтвердилось.

Успокоив революцию, устранив анархию и относительно стабилизировав обстановку в стране, Витте стал больше внимания уделять реализации положений Манифеста 17 октября, главной из которых был переход к парламентаризму в России.

Но государь и его окружение, почувствовав разрядку, не хотели выполнять обещанное народу, против Витте и либеральных членов кабинета усилились нападки правых. В письмах Витте министр просвещения граф И. И. Толстой писал: «Считаю, что чем резче Вы поставите вопрос Его Величеству, тем лучше... что теперь наступил ... момент, когда следует выяснить, пойдет ли Россия по новому пути или хотя бы временно ... вернется на старый... Уверен, что ни Вам, ни мне государь не доверяет, но не решается сказать этого» [3, с. 508].

В составе объединенного кабинета обнаружались серьезные разногласия, и уже в

феврале 1906 г. Витте решил попросить отставку. Но оставались нерешенные вопросы, прежде всего о Думе, которые пришлось решать ему в силу ответственности.

Вопрос о Государственной Думе возник гораздо раньше октября 1905 г., но после принятия манифеста 17 октября процесс приобрел иной характер. Существовало два пути введения в России конституционного строя: через созыв Учредительного собрания и пожалование Конституции царем. В этом вопросе мнения земцев разошлись. На съезде в ноябре 1905 г. большая часть их (из них потом сформировалась партия «кадетов») высказалась за концепцию Учредительного собрания, чего никак не хотел Витте. Все его усилия были направлены на это и оказались не напрасны, из меньшинства родилась партия октябристов («Союз 17 октября»), которая ставила целью мирным путем осуществить принципы конституционной монархии, провозглашенные Манифестом. От их имени прозвучало воззвание, в котором подчеркивалась необходимость объединения всех тех, «кто искренне желает мирного обновления страны, кто отвергает одинаково застои и революционные потрясения и кто признает необходимость создания сильной авторитарной власти, которая совместно с народным представительством могла бы внести в страну умиротворение путем созидательной законодательной деятельности» [13, с. 480]. Отклик на призыв был положительным. В провинциях стали возникать группы октябристов.

Казалось, позиции лидеров октябристов и Витте должны были их сблизить, а партия октябристов стать опорой. Однако этого не произошло. Хотя Витте и намеревался пригласить Шипова и Гучкова в правительство, но они не сошлись во взглядах. «Я не согласился бы иметь дело с председателем этой партии Гучковым...» [3, с. 508].

Не получив прямой поддержки, Витте не прервал контактов с общественными деятелями. Он поручил А. И. Гучкову и Д. Н. Шипову составить избирательный закон. Манифест 17 октября обещал привлечь к участию в выборах те слои населения, которые были лишены избирательного права.

Общественные деятели предложили прямое и всеобщее избирательное право. Витте хотел пойти навстречу пожеланиям общественности, но вместе с тем боялся всеобщих выборов в силу непредсказуемости их результатов. На заседании Совета министров 19 ноября 1905 г. консервативное крыло правительства резко возражало против всеобщего голосования.

Витте парировал, что общие основы Булыгинского положения о выборах не могут быть изменены и сословная система должна быть сохранена. Это многих удивило, так как перед этим Витте придерживался противоположной точки зрения. Это была явная уступка давлению консервативных сил. В дальнейшем Витте еще не раз подобным образом проявлял себя. Такое поведение было осуждено представителями общественности и у царя вызвало недоверие.

Результатом дискуссий стало принятие в декабре 1905 г. закона о Государственной думе с ограниченными законодательными правами и выборностью по куриям, т. е. сословным представительством. Так как и эта система не гарантировала, что будет обеспечен верноподданнический депутатский корпус, в высших сферах появилась мысль поставить над Думой второе законодательное учреждение.

Этим учреждением стал Государственный совет. Витте предлагал сделать его хотя бы частично выборным органом. И это удалось.

Поток антиправительственных публикаций хлынул с конца 1905 г. Наибольшей ядовитостью отличались сатирические произведения. Сотни писателей, художников и редакторов в изданиях под такими названиями, как «Фонарь», «Пулемет», «Бомбы», «Злой дух», «Скорпион» – всего до 380, напустились на правительство, императора, царскую фамилию, порой яростно и разнузданно. Многие изображения правительственных чиновников доходили до бесчеловечности» [8, с. 25–30]. Витте не мог хладнокровно относиться к критике и неоднократно обращался к П. Н. Дурново, министру внутренних дел, с требованием принять против сатириков су-

ровые меры, но Дурново не реагировал, хотя и сам подвергался критике.

Реорганизация Государственного совета была одобрена царем в феврале 1906 г.

Основные государственные законы были введены высочайшим указом сенату от 23 апреля 1906 г. В них впервые были заявлены политические свободы, в системе государственных органов отводилось место выборным законодательным учреждениям. И, несмотря на критику, этот документ стал заметным шагом в направлении к правовому государству.

Добившись получения спасительного для монархии займа и подготовив открытие первой Государственной думы, 14 апреля 1906 г. Витте подал царю прошение об отставке, которая была принята Николаем II с облегчением.

Для консерваторов эта отставка была символом отказа от реформаторского курса, появилась уверенность, что будет положен конец колебаниям и власть заговорит со своими врагами надлежащим тоном. Либералы восприняли отставку как свидетельство своей силы, поражение лукавого бюрократа и сочинителя регрессивных Основных законов. Не менее их радовался царь, который, наконец, избавился от «вредного человека».

На посту председателя Совета министров Российской империи Витте продемонстрировал удивительную гибкость и способность к лавированию, выступая в чрезвычайных условиях революции то твердым, безжалостным охранителем, то искусным миротворцем.

По натуре сам неограниченный и властный Витте принадлежал самодержавию. «Я» и все личное стояло у него не на первом плане. Витте был резко выраженной индивидуальностью в политике. Общественность в его глазах была необходима, либо для поиска действий при решении конкретных вопросов, либо для собирания и освещения фактов, относящихся к огромному и пестрому государству, дабы в порядке управления не наделать грубых ошибок. Иначе говоря, роль общественности была для Витте чисто вспомогательная.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.: Новости, 1990. 604 с.
2. Вестник Европы. 1906. № 1.
3. *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. М.: Соцэргиз, 1960. Т. 2. 539 с.
4. *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. М.: Соцэргиз, 1960. Т. 3. 723 с.
5. *Витте С. Ю.* Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т., 3 кн. Т. 2: Рукописные заметки: рассказы в стенографической записи / сост. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. СПб.: Дм. Буланин, 2003. 649 с.
6. *Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте – первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца // Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 1997.
7. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого... М.: Новое лит. обозр., 2000. 810 с.
8. *Дейли Дж.* Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) // Вопросы истории. 2001. № 10.
9. *Игнатъев А. В.* С. Ю. Витте – дипломат. М.: Международные отношения, 1989. 336 с.
10. *Ильин С. В.* Витте. М.: Молодая гвардия, 2006. 511 с.
11. Интервью С. Ю. Витте с представителями печати // Красный архив. 1925. № 4–5.
12. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд.. М.: Политиздат. Т. 12. 575 с.
13. *Леонтович В. В.* История либерализма в России 1769–1914 гг. М.: СП «Русский путь»: Полиграфресурсы, 1995. 548 с.
14. *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. 603 с.
15. *Милюков П. П.* Воспоминания: в 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. 446 с.
16. *Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916. СПб.: Европейский дом. 1997. 732 с.